

Шалимова Надежда Сергеевна

докт. филол. наук, профессор (Московский городской педагогический университет,
г. Москва, Россия)
shalimovans@mgpu.ru

РОМАН ИНИЦИАЦИИ В ДИНАМИКЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА США

В статье рассмотрена эволюция жанра романа инициации в современной американской литературе в контексте модификации традиции романа воспитания и автобиографии.

Ключевые слова: автобиография, жанровая модификация, роман инициации, роман воспитания.

Роман инициации имеет особое значение в историко-культурной динамике литературного процесса США. На протяжении всего литературного процесса его элементы входят в повествование в виде слагаемых художественной картины мира. В пространстве таких нарративов происходит определенная конкретизация данного понятия, а сама инициация выступает либо в виде идейного, либо сюжетно-образного единства. С одной стороны, данный нарратив несет существенную семантическую нагрузку, очерчивая категориально-значимые факторы и основы культурного самосознания. С другой, лежит в основе композиции и системы образов, т. е. выполняет сюжетно-образную функцию [1].

Исследование источников XIX–XXI столетия подтверждает, что становление романа инициации проходило определенные стадии. Так, первая из них характеризуется тяготением к жанру автобиографии как базовому и выступает в качестве идеализации процесса становления личности человека. Параллельно с ней возникает другая, где изображается переход от детского к юношескому сознанию, сосуществующий с фиксацией социального фона, но кое-где отодвигающий его на второй план. Завершающей фазой становления романа инициации можно полагать третью, которая наиболее ярко проявилась во второй половине XX–начале XXI вв. Здесь сюжет инициации основывается на личностном вовлечении протагониста в происходящее, его экзистенциальных кризисах и осознаниях. Так или иначе, идея духовного совершенствования в американском романе инициации всегда связана с возможностью социальной адаптации индивида.

Соответственно, можно говорить о многоаспектности национальной модели: нравственный идеал, который изображал в своих сочинениях Б. Франклин, постепенно сменяется амбивалентностью оценки и в большей степени сосредотачивается на возможности обретения протагонистом своей идентичности, свободного самовыражения, социальной самореализации. Развитие романа инициации показывает программу эволюции представлений о формировании личности в американском обществе. Выступая, с одной стороны, наследником европейских традиций романа воспитания [3], а с другой, удаляясь от них в трактовках проблемы взросления человека, роман инициации в литературе США обретает собственные черты.

Нарратив инициации представляет собой стержневой каркас, который стал основой произведений таких ключевых фигур современной литературы США, как Ст. Чбоски, Д. Тартт, Э. Сиболд, Х. Хоссейни, Дж. Евгенидис, Дж. С. Фоер, М. Миллер, Х. Янагихара, Дж. Диас, А. Сильвера. Опираясь на литературное наследие предыдущих эпох, современные авторы постепенно отходят от ка-

нонических традиций репрезентации взросления. Внимание акцентируется на личности, критерий прохождения процесса инициации становится глубоко индивидуальным. Роман инициации в литературе США показывает, что человек обладает возможностью совершать выбор в отношении своих поступков, а его жизненный путь во многом определяется опорой на личный опыт и доверие к себе.

На примере формирования и взросления индивида показываются универсальные общечеловеческие процессы. Многовекторность романа инициации доказывает, что судьбу человека определяет не только генетическая память и социокультурная среда, но также характер и темп эмоционального и интеллектуального внутреннего роста, саморефлексия. Этапы взросления, переломные моменты, стадии развития имеют универсальный и повторяемый характер [2], но способы преодоления кризисов, внутренний выбор, совершаемый при этом, зависит от отдельно взятой личности.

Разная степень интеллектуального и духовного потенциала протагонистов обуславливает многообразие вариантов инициации, а изложение событий от лица подростка позволяет прозаикам не только представить окружающую действительность с неожиданной стороны, с позиции не отягощенного взрослым опытом и предрассудками сознания, но и показать внутренний мир человека в наиболее сложный, переходный период его жизни. Благодаря такому приему мир выступает не как сложившаяся данность, а как динамичная целостность. Передоверия повествование нарратору-подростку, автор получает возможность показать истинную сущность реальности через призму неангажированного взгляда и выразить свою позицию, избежав дидактизма. Раскованность, динамичность и изменчивость подобного мировосприятия дают простор художественным экспериментам, что характерно для эпохи смены культурных парадигм на новом витке исторической спирали, когда одновременно с переосмыслением старого идет приращение нового.

Поиски героями нравственных ориентиров в условиях мировоззренческого перелома и современного морального релятивизма осуществляются через попытку вернуться к дихотомическому мышлению, разграничивающему добро и зло. Инициация представляется не статичным и однозначным процессом, а подвижным и многогранным явлением, знаменующим переход от инфантилизма и отсутствия ответственности к качественно новым способам восприятия индивидом самого себя и способов своего взаимодействия с социумом [4].

Образная репрезентация инициации на разных этапах историко-культурного развития, в том числе проблемы нормы, жанрового канона, позволяют уйти от атрибуции таких сочинений как произведений подростковой литературы, поскольку они в полной мере вписаны в практики «взрослого» нормотворчества (правила цензуры, табуизации). В таких произведениях сочетаются экспериментальные (различные вариации подростковой прозы) и канонические (роман воспитания) дискурсы.

Роман инициации продолжает традиции романа воспитания и автобиографии, элементы которых он вбирает в себя. Но в отличие от этих двух базовых жанров взросление в романе инициации показано не как постепенное поступательное самосовершенствование индивида, а как переживание им переломных событий жизни. Роману инициации свойственны такие черты как лаконичность формы, актуальность современности проблематика, нелинейность способов по-

вестования. В основе изображаемого конфликта в таких нарративах – кризис протагониста и поиск способов его преодоления.

Библиографический список

1. Vierende, S. Rite, Roman, Initiation / S. Vierende. – Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 2000. – 192 p.
2. Ван Геннеп, А. Обряды перехода / А. ван Геннеп. – М.: Восточная литература, 1999. – 198 с.
3. Бахтин, М. М. Эпос и роман (О методологии исследования романа) / М. М. Бахтин. – СПб.: Азбука, 2003. – 304 с.
4. Борисеева, Е. А. Роман инициации: проблема жанровой атрибуции / Е. А. Борисеева // Веснік БДУ. Сер. 4. – 2014. – № 1. – С. 20–23.

Шанина Юлия Александровна

*канд. филол. наук, доцент (Башкирский государственный университет
им. М. Акмуллы, г. Уфа, Россия)
shanina.julia.a@gmail.com*

ДИАЛОГ С КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИЕЙ В ДИЛОГИИ Д. ЛЕССИНГ О БЕНЕ

В статье рассмотрены принципы и способы переосмысления классических моделей сюжетов, систем образов и мотивов в дилогии Д. Лессинг «Бен среди людей».

Ключевые слова: *английский роман, «Бен среди людей», Д. Лессинг, «Пятый ребенок», традиция.*

Дилогия Нобелевского лауреата по литературе 2007 года Дорис Лессинг (1919–2013) о Бене включает романы «Пятый ребенок» («*The Fifth Child*», 1988), «Бен среди людей» («*Ben, in the World*», 2000), которые рассматриваются зарубежными исследователями как образец позднего творчества писательницы и одни из наиболее значимых произведений созданных ею [3], [4]. Первая часть дилогии вызвала широкий общественный резонанс и стала поводом для дискуссии как среди литературоведов, так и читателей, вторая же оказалась на периферии научных и читательских интересов, более того дилогия как художественное целое редко становилась предметом отдельного исследования. Данная работа посвящена анализу форм репрезентации культурных традиций в художественной структуре романов Д. Лессинг «Пятый ребенок» и «Бен среди людей» с целью определения значения культурного контекста для раскрытия проблематики произведений и их художественного своеобразия.

Комментируя замысел первого романа «Пятый ребенок», Д. Лессинг в своих интервью указывала только на два источника, которые послужили толчком для его создания: эссе американского антрополога, натуралиста и поэта Лорена Айзли о неандертальской девочке и знаменитый роман М. Шелли «Франкенштейн» [2]. В обоих случаях писательницу привлекает экспериментальное начало: в первом случае – научное допущение сохранения генов неандертальцев у современных homo sapiens, во втором – развертывание интриги готического романа с «предельным реализмом, как будто это правда» [2, с. 62]. Суть художественного опыта Дорис Лессинг – рассмотрение судьбы необычного ребенка с атактистическими признаками другого доисторического человеческого вида